

Свобода, равенство и братство

Лик русской революции — не однозначен. Есть люди, которым прежде всего в этом лике бросаются неевропейские черты. «Евразийская революция совершилась» — так говорят они про русскую революцию. Но других поражает европеизм русской революции. Ее официальная идеология, марксизм, является неоспоримым продуктом европейской культуры.

«Романо-германское» происхождение этой теории более, чем несомненно, — вопреки уверениям Гитлера, что марксизм породило еврейство. Марксизм сложился, как равнодействующая двух идейных течений новейшей эпохи: французского социализма и немецкой постгегелианской философии. И если отвлечься от философской стороны взглядов Маркса и остановить внимание на стороне социально-политической, то марксизм можно рассматривать, как своеобразное истолкование известной формулы «свобода, равенство и братство».

В 1796 году в Париже судили участников «заговора равных» во главе с его вдохновителем, Гракхом Бабефом. Бабеф хотел на место буржуазной республики якобинцев построить пролетарскую, коммунистическую республику. Частная собственность должна быть отменена, экономическое неравенство уничтожено, должен быть произведен всеобщий раздел имущества и общество должно быть построено на принципе идеального равенства — такова программа «бабувистов». Из знаменитой «триады» революции сторонники Бабефа на первое место ставили «равенство» — «свобода» и «братство» приложатся, думали они, если «равенство» будет действительно осуществлено. Отсюда и пошел французский социализм, в котором «бабувисты» до 1848 года занимали наиболее левое, наиболее заговорщицкое и революционное крыло. Маркс много воспринял и от Сен-Симона, и от Фурье — но более всего, пожалуй, от «бабувистов». Программа революционного Парижа 1796 года впитана была «Коммунистическим Манифестом» и другими книгами и брошюрами Маркса, а через эти последние перенесена была в Россию. Не осуществляет ли современная Москва программу, впервые сформулированную революционным Парижем 1796 г.?

Иными словами, русский коммунизм является дальнейшим этапом

европеизации России, начатой Петром I. Петр привил России буржуазно-европейскую культуру, Ленин привил культуру социалистическую. Россия и в коммунизме продолжает подражать Европе. Неподробное, «обезьянье» лицо русской революции явственно смотрит на нас.

Нельзя, впрочем, слишком обезличивать русскую революцию — все равно в каких целях это обезличение делается: в целях ли ее возвеличения или в целях хуления. Лицо России не теряет своего характера ни под какой маской. Оно видно и под маской «кнуто-германской Империи» (выражение Бакунина), и под маской «кнуто-германского» коммунизма.

Программа французской революции резюмировалась в лозунгах: «свобода, равенство и братство». Примечательно, что французам все-таки более по душе идея «свободы». Действительно, они сумели ее воплотить и в своих политических учреждениях, и в обычном укладе своей повседневной жизни. Они это открыто высказывают. В политическом словаре М. Блока, дающем сводку наиболее общепринятых французских представлений о политике, мы находим следующие мысли по поводу формулы «свобода, равенство и братство». Из этих понятий всего более определена «свобода». Когда произносят это слово, по крайней мере знают о чем идет речь: о способности выражать открыто свои мнения, о праве вмешиваться в общественные дела. Что касается до равенства, то здесь мы уже переходим в область менее ясную. Идея материального равенства — абсурдна, но имеет некоторый смысл говорить о равенстве в формальном смысле этого слова, т. е. об отсутствии всяких кастовых или классовых привилегий, о подчинении одному и тому же закону. «Дело обстоит иначе, когда мы переходим к братству; здесь все пусто и бесконечно». «Нет слова более привлекательного и в то же время более пустого, чем братство»...

Какое перемещение порядка ценностей с точки зрения русской психологии!.. Свободу мы никогда особенно не ценили, если только понимать ее в «упорядоченном» состоянии, как юридическую гарантию прав. Если она привлекала русскую душу, то в безбрежности «дикого поля». «И бутте подобными степным зверям» — писал Пугачев в одной из своих прокламаций, суля наделить народ землями, водами, лесами, жилищами, покосами, хлебом, пропитанием, рубашками, жалованьем — «словом всем тем, что вы желаете во всю жизнь свою»... За такой свободой можно еще гнаться, но не за свободой, «обеспеченной нормой». Оттого терпели крушение либеральные стремления Московской Руси, — в программе «заволжских старцев», князя Курбского и др. И в петербургский период либералы, особенно чистые, у нас были редки и слабы. Их всегда забивали социалисты.

«Правовые гарантии нам не нужны, они излишни» — так зывали славянофилы. «Властитель дум» молодежи 70-80-х гг. прошлого века, Н. К. Михайловский, острял над свободой, рассказывая следующий, правда, французский анекдот: «Извозчик, ты свободен». — «Свободен». — «Прославляй же свою свободу!»...

Равенство всегда было любезно русской душе. Оно коренилось в нашем природном, бытийственном демотизме, оно бессознательно проникало крестьянскую жизнь, оно составляло неизбежную основу нашего общественного быта. Но русская революция вовсе не сделала кумира из идеи равенства. Требование безусловного экономического уравнивания сна заменила адаптированным у Маркса принципом: «С каждого по способностям, каждому по потребностям». Революция сумела преодолеть стихийную тягу русского рабочего и крестьянина к равенству. Она научила их тому, что, кто больше и лучше работает, тот больше и получает. Вместо равного права на общий продукт она выдвинула норму «неравное право для неравного труда». Она откинула кастовые различия, но санкционировала в массах неравную одаренность и работоспособность. Социальное ударничество и соревнование, различное вознаграждение за труд, поощрение «героев труда» не происходят из идеи равенства, которую русская революция поистине преодолела.

Всего более близка русскому человеку идея братства. Она укоренена в его наиболее глубоких религиозных представлениях. Она вдохновляла таких наиболее характерных русских людей, как Л. Н. Толстой и Н. Ф. Федоров. Близка она была всему большому, благородному, созданному русской культурой и историей. Но русская революция как будто сконфузилась провозгласить эту идею, как свой основной лозунг. Она ее выговорила, но не решительно, не достаточно всеобще. «Братство народов»... пожалуй, «братство трудящихся», но «братство» вообще — соединимо ли это с классовой сущностью русской революции, с ее чисто материалистическим духом?

На место «братства» русская революция выдвинула слово «товарищество», «товарищи». И в этом нельзя не видеть глубочайшего проявления нашего революционного материализма. Братство есть прежде всего связь по духу, потом уже связь по крови, по рождению. Совсем иной смысл имеет идея «товарищества». Филологическая связь слова «товарищ» с понятием «товара», имени, имущества, пожитка, нажитого, не может подлежать никакому сомнению. Потому и товарищ — не брат, а только односум, сотрудник, соучастник; товарищество же — связь по работе, по имуществу. И это отражается в других европейских языках. По немецки товарища зовут «Genosse».

что значит «тот, кто владеет полезной вещью, вместе потребляет ее» (как говорит словарь немецкого языка Гримма). Французское слово «самагаде» происходит от испанского слова «самага», комната, и, в буквальном смысле, указывает на жизнь под одной общей крышей. Таким образом ассоциации, сопровождающие понятие «товарищ», «товарищество» — чисто материалистические, это или связь по отношению к одной материальной вещи или по местопребыванию в одном пространстве.

И кроме того: идея «товарищества» менее всеобща, менее универсальна, чем идея «братства». Братство в его всеобщем понимании есть облагороженное, сублимированное толкование «отцовства-сыновства». Идеал братства, по определению Федорова, есть общественное состояние, в котором «борьба всех родов и видов человеческого, отеческим делом, делом всех сынов человеческих, обращающим их в братьев, перед которым все возбуждающее нашу вражду, споры, тяжбы становится мелким, ничтожным». Идея «товарищества» никак не может охватить всех людей. Она служит для отбора одних, более близких и отталкивания от других, дальних и может быть враждебных. Я могу чиста Ягоду в известном высшем смысле считать «братом» — поскольку человеческое метафизически неистребимо в нем, как и во мне. Но с какой стати я буду называть его «товарищем»? Товарищи бывают по детским играм, по школе, по ремеслу. В марксистском смысле «товарищество» определяет принадлежность к социальному классу. Кто к нему не принадлежит, тот не «товарищ». И следовательно, все люди не могут объединяться какой то общей связью — до тех пор, пока они не будут работать на общей огромной фабрике. В понятие «товарищество» марксизм заложил столько же силы социального притяжения, сколько и сил социального отталкивания. «Классовой враг» сделался необходимой антитезой «товарища» по социальному классу. Социальное содружество трудящихся обратной стороной своей имеет «классовую борьбу» — жесточайшую борьбу на истерблиение классового врага, которая по разрушительным своим последствиям мало чем отличается от войны международной.

Идеал «товарищества» в русской революции есть искаженное отображение «братства», сдобренное импортированным из за границы марксизмом. Оттого и двоятся лицо русской революции: то в нем видишь какие-то подлинные черты, то в нем мерцает чисто чужеродный лик. В своем отвращении от международной войны русская революция руководилась ясно сознательной идеей международного братства. И эта же идея вдохновляла революцию, когда она декларировала право всех народов на самоопределение и когда она в своих поли-

тических установлениях стремилась осуществить идеал культурной автономии всех евразийских национальностей. Но отвращение от международного угнетения и международной бойни соединено в русской революции с культом бойни классовой; стремление к защите угнетенных народов и к установлению национальной автономии — с полным отрицанием общественных расчленений, с культом социально обезличенного и окарикованного пролетарского человека.

Мы отнюдь не являемся сторонниками классового общества в современном смысле этого слова; того общества, в котором богатства сосредоточены в руках 15-20 процентов привилегированного меньшинства; где большинство не обеспечено ни на завтрашний день, ни на старость, ни на случай болезни; где нищета и голод столь же обычны, как смена дня и ночи. Но стремиться излечить пороки такого общества путем классовой расправы — это мы считаем занятием столь же безумным и отвратительным, что и истребление людей на войне. По существу нет разницы между войной на горизонтальной плоскости социальных отношений и войной на плоскости вертикальной: убийство открытое или скрытое остается убийством и в войне народов и в войне классов.

«Благодарное человечество» должно помнить, что оно обязано германскому «гению» рождением двух социальных теорий: теории борьбы рас и теории борьбы классов, как основного содержания человеческой истории. Первая, придуманная австрийским профессором Гумпловичем, впитана современным немецким расизмом. Вторая, истребляемая расистами, привита ныне народам евразийского континента. Русский марксизм занят истреблением враждебных классов, расисты угрожают истреблением и порабощением низших и враждебных рас. Не пора ли во имя общего, братского дела всех трудящихся сказать и тем, и другим: довольно!.. Довольно, бойни классовой и международной!..

В пореволюционных русских течениях ставится вопрос об отношении к революционным лозунгам новой европейской истории: «свобода, равенство и братство». Пореволюционное сознание чувствует, что от лозунгов этих нельзя просто отмахнуться, как это делают обычно реставраторы и мракобесы. Придумываются здесь и формулы, выражающие отношение пореволюционных течений к названным лозунгам. Одна из них известна: «свобода без равенства». Она отвергает «равенство», как идею коммунистическую, считая, что коммунистический строй утвердил «равенство без свободы».

Про «братство» эта формула скромно умалчивает, находясь, по-видимому, на уровне знаний вышеупомянутого французского политического словаря Блока. Формула эта, во-первых, не верна, так как

в коммунизме нет ни свободы, ни равенства. Она кроме того контрреволюционна в прямом смысле этого слова. «Свобода без равенства» есть призыв к реставрации капитализма в его чистом виде, без всяких поправок и ограничений. И если сторонники этой формулы всё же вводят поправки в классический капитализм, то не понятно, во имя чего они делают.

Пореволюционная мысль должна с предельным проникновением продумать и прочувствовать идею «братства». И не как хлесткий лозунг, выкинутый на флаг, а как глубочайшую предпосылку социального идеала. Есть «братство», — приложатся и «свобода», и «равенство». Братский союз есть необходимый союз «свободных и равных» — причем не в смысле буржуазного индивидуализма и социалистического эгалитаризма. «Братство» организует «свободу» и одухотворяет «равенство». Одно оно способно рассеять кровавые тучи, нависшие над современным миром.

Н. Н. Алексеев.

О созерцании

Мир явлен нам, как чудо. С минуты, когда впервые вдруг задумались мы вот над этой чернильницей, которую колдовское тяготение приклеило к столу, над апокалиптическим чудищем — собакой, перебегающей улицу; когда четкая ясность зрения вещей уже превратилась, в узрении, в восхитительный ужас их прозревания, мы незримо уходим в сон откровений неизъяснимых и немножко умираем — *partir c'est mourir un peu* — для жизни, которая как бы вянет, тускнея, погасая, как отзвучавший день; и в этих сумерках разлуки, в ладанной дымке сомнения, на фоне расплывшихся контуров реальностей, воскресаем мы к встрече с их сокровенным смыслом. Заигрывающая с нами тайна посвящает усумнившихся в чин изумления. Мы священно-прокляты и не уйти от ее фосфорического взуляда и нет уже возврата в уют детско-солнечной вещности. Развершееся жерло потустороннего медлительно втягивает в свою ласть, высасывая мозг, перегоняя в бумагу неповторимую жизнь, сгибая, сморщивая и испепеля мертвящим дыханием. Источенные женскостью святых, обреченные ненасытным вопрошанием, хрупкие, как видение, бредем мы среди загадок. Загадочным становится все и наконец, мы сами... И главное, наши странные глаза. Эти замочные скважины, через которые тщимся мы подглядеть мистирию жизни. Но вырвать соблазную